

М. Лукашевич

РЕЦЕПЦИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ ТЕМАТИКИ В ТВОРЧЕСТВЕ Н.С. ЛЕСКОВА КРИТИКОЙ РУБЕЖА XIX–XX вв. (1890-е – 1917 г.)

Рассматриваются доминирующие тенденции в осмыслении наследия Н.С. Лескова представителями социологического и модернистского направлений в литературной критике. Подчеркивается противоположный характер оценок критиков и их акцентирование разных аспектов творчества писателя. Анализ литературно-критических отзывов рубежа веков на творчество Лескова позволяет отметить их обусловленность художественными принципами направления и стремление включить писателя в современный контекст.

Ключевые слова: Н.С. Лесков; рецепция; литературная критика; реализм; модернизм; религия.

Первые годы посмертной рецепции творчества Николая Лескова, столь важные для осмысления значения писателя и его места в литературном процессе, пришлось на переходное время. В этот период в русской литературе наряду с реализмом начинал развиваться символизм, а в литературной критике, наряду с доминирующим социологическим направлением, возникло и модернистское. Социальному детерминизму, рационалистическому пути познания мира и этически-общественным оценочным критериям первого были противопоставлены идеи творческой свободы, интуитивности и мистики искусства и красоты как главного мерила литературного произведения [1. С. 344, 410–412]. Художественные методы познания были при этом перенесены и на нехудожественные работы, в том числе литературную критику, которая могла руководствоваться интуицией и субъективными ощущениями автора [2. С. 63].

Отличительной чертой рубежа XIX и XX в. стало также разочарование значительной части русской интеллигенции идеями позитивизма и материализма и обращение к широко понятой духовности в ее очень разнообразных проявлениях. С одной стороны, у многих деятелей культуры и искусства этого периода возник интерес к православию и попытки диалога с представителями Русской православной церкви, в частности в рамках Религиозно-философских собраний. С другой стороны, очень популярным стало увлечение неортодоксальной духовностью, относящейся к области эзотеризма и оккультизма, связанной с обращением к традициям русских сектантов, дальневосточным религиям, неогностицизму, теософии, антропософии и т.п. Отличительной чертой религиозной атмосферы рубежа веков были также эсхатологизм и мистицизм, вдохновленные философским учением и самой личностью Владимира Соловьева. Среди поднимаемых в литературе и публицистике проблем самой главной становится стремление постичь тайну человека в его отношениях с миром и самим собой [3. С. 9].

Казалось бы, что такое состояние дел должно было способствовать развитию интереса к творчеству «смирненного ересиарха» Лескова, знатока православия, старообрядчества и сектанства, как народного, так и «великосветского». Тем не менее его рецепция на рубеже XIX и XX вв. происходила медленно и не без проблем, на что, по-видимому, повлияла эволюция мировоззрения и творчества писателя, в котором

в последние, «толстовские», годы жизни всегда значимая этическая компонента оказалась особенно важной. Лесков стал акцентировать ключевую роль воли и разума, с помощью которых человек становится способным к самопознанию и самосовершенствованию, что отличается от ранних представлений писателя о стихийном, импульсивно-эмоциональном характере порывов добра. Хотя не изменился источник и основа этического идеала, которым для Лескова всегда было Евангелие, сместились акценты в его восприятии и подверглись переосмыслению и углублению философские основы религиозных взглядов писателя. Примерно до середины 1870-х гг. он оставался под влиянием славянофильски ориентированных идей и представлений, связанных с особым вниманием к православию, церковной соборности и духовности русского народа. После поездки в Западную Европу в 1875 г. Лесков стал более внимательно изучать как протестантские богословские сочинения, так и философское учение Сократа, Платона, а затем также Григория Сковороды. В итоге его интерес перемещается в сторону универсальных вопросов добра и зла, места и роли человека в мироздании, смерти и загробного существования души. Ключевое значение приобретает в этот период уже упомянутая категория самопознания, а также противопоставление внешней оболочки (веры, народа, индивида) их внутренней сущности, что исследователи связывают с влиянием сократической и платоновской традиций [4. С. 147].

Специфика изменения философски-религиозных взглядов Лескова оказала, на наш взгляд, влияние на противоречивый характер рецепции его наследия русскими критиками конца XIX – начала XX в., принадлежащими к разным направлениям. Оценивая творчество писателя, авторы отзывов чаще всего выбирали из него элементы, наиболее соответствующие их собственным эстетическим установкам, обходя вниманием или лишь кратко упоминая о том, что не вписывалось в выстроенную ими схему. По этой причине представители разных направлений критики рубежа веков обращались к разным этапам творческого пути Лескова, именно их оценивая как самые типичные и наиболее удачные, и на этом основании судили о всем наследии писателя, в том числе о его религиозности.

Так, универсально-этический характер позднего творчества Лескова, наряду со склонностью к рационализму и утилитарному взгляду на искусство, при-

влек внимание критиков социологического направления, которым и принадлежали первые попытки целостного осмысления наследия писателя. Эти отзывы были связаны с публикацией «Собрания сочинений в 10 томах», на которое откликнулись, в частности, представляющие либеральное народничество Арсений Введенский, Александр Скабичевский, Михаил Протопопов [5–7], а также симпатизирующие толстовству Михаил Меншиков и Роман Дистерло [8–9]. Хотя почти все рецензенты отметили перелом, произошедший в творчестве Лескова 1880-х гг., однако их оценки ранних и поздних произведений оказались неодинаковы.

Например, Скабичевский, невысоко ставивший творчество писателя и назвавший его талант «фотографическим», упрекнул Лескова в нежелании ограничиться полагающейся ему ролью бытописателя и переходе в поздних произведениях к обличениям и поучениям, в том числе религиозно-нравственным [6. № 4. С. 297–298]. В свою очередь, Михаил Протопопов в знаменитой статье 1891 г. «Больной талант» к главным недостаткам Лескова причислил отсутствие гармонии и равновесия, вычурный язык и подверженность личным симпатиям и антипатиям, подчеркивая при этом, что в творчестве 1880-х гг. наблюдается положительный перелом, а писатель начинает чаще руководствоваться чувством любви и евангельской морали [7. С. 268]. Похожа была оценка Меншикова, который в отзыве на одиннадцатый том «Собрания сочинений» Лескова выше оценил произведения последних лет, увидев в них сочувствие к «новохристианскому идеализму и духовному возрождению», защиту «гуманных и просвещенных начал против заскорузлого византизма» [9. С. 172] и стремление пробуждать в людях добрые чувства, как это делал Лев Толстой.

Стоит подчеркнуть, что в названных выше отзывах раннее творчество Лескова сводится, в сущности, к бытописательству и антинигилизму [10. С. 23], а религиозная составляющая отнесена лишь к его поздним произведениям. Изображение церковной жизни и православного духовенства в «Соборях», «Запечатленном ангеле» или «На краю света» расценивается как проявление «византизма» и ставится в один ряд с популярной беллетристикой из духовной жизни 1870–1880-х гг. Кроме того, как указывает Владимир Котельников, уже в этот период можно выделить две основные линии в трактовке личности и творчества писателя: одни критики стремились выдвинуть на первый план положительные аспекты, обходя вниманием или смягчая отрицательный компонент, и создавали в результате излишне добродушный портрет Лескова; другие подчеркивали «глубокие диссонансы его личности <...> тяжелую внутреннюю и внешнюю конфликтность» [11. С. 5].

Смерть Николая Лескова в 1895 г. вызвала появление ряда посвященных ему публикаций, от некрологов и небольших заметок до обширных обзорных статей [12–15]. Они содержали краткую биографию писателя и общую характеристику его творчества, учитывающую в том числе религиозно-нравственную и церковную проблематику. Доминирующей тенден-

цией было противопоставление в наследии Лескова православия и «подлинной религиозности» толстовского характера, и лишь заметку «Покойный Н.С. Лесков как бытописатель духовенства и соприкосновенной с ним области» можно считать попыткой более вдумчивой оценки отношения автора «Соборян» к православной церкви. Ее автором, выступившим под псевдонимом «А. Митякин», был профессор Санкт-Петербургской духовной академии Александр Лопухин, который отметил особое положение Лескова среди русской интеллигенции, незнакомой с жизнью духовенства и отчужденной от Церкви. Писатель, по мнению Лопухина, осознавал, что ключом к пониманию народа является изучение жизни его пастырей, которую он талантливо изобразил в своем лучшем произведении – «Соборях». Однако затем в творчестве Лескова произошел поворот к тенденциозности, который критик объяснял веяниями 1860–1870-х гг. и их влиянием на духовенство: «...в нем началось брожение, явились глашатаи, требовавшие ломки старого исторически освященного склада жизни <...> явились священники, недовольные твердостью власти архипастырей, раздали голоса о необходимости отмены запрещения священникам вступать во второй брак, отмены самой одежды духовенства, поднялся вопрос об окружных судах для пастырей и так далее» [13. С. 279].

Писатель ошибочно воспринял это поверхностное движение как «протест живого духа против косности» и поэтому увлекся им, написав под его влиянием «Мелочи архиерейской жизни», оцененные Лопухиным как «крайне тенденциозный памфлет на наше высшее духовенство» [13. С. 279]. Дальнейшую эволюцию творчества Лескова рецензент оценил отрицательно, как заблуждение, которое привело к критической оценке о. Иоанна Кронштадтского и выраженной в проложных легендах сектантской тенденции превозносить личную духовную самостоятельность над авторитетом Церкви. Однако в завершении заметки критик подчеркнул искреннюю веру Лескова, чьи ошибки стали результатом влияния ложного духа времени. Сообщая, что перед самой смертью писатель читал Новый Завет, Лопухин закончил статью словами: «Благо тому, кого застигает смертный час за подобным занятием <...> Мир праху его!» [13. С. 281].

Постоянный интерес писателя к религиозным вопросам и в то же время его внутренняя двойственность, соединение веры и скептицизма были отмечены в статье Семена Венгерова в «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона» [16. С. 147–150], имевшей, в силу своей распространенности, важное значение для осмысления творчества Лескова и создания его образа среди широкой публики. Следующим этапом рецепции наследия писателя стал выход в 1897 г. посмертного «Полного собрания сочинений в 12 томах», в котором в качестве предисловия была напечатана похвальная обзорная статья редактора журнала «Нива» Ростислава Сементковского [17. С. V–LVI]. Она имела важное значение для возвышения Лескова, освобождения его от репутации второстепенного фактографа и антинигилиста, так как критик поставил в ней писателя в один ряд с Иваном Тургеневым, Федором Достоевским и Львом Толстым. Кроме того, Се-

ментковский подчеркнул его значение как исследователя религиозной жизни, а также знатока раскольников и духовенства, в среде которых Лесков искал не просто интересные типажи, а носителей «деятельной любви к ближнему» [17. С. XXXIX]. Критик указал на наличие «альтруистического чувства» в таких произведениях писателя, как «Соборяне», «Запечатленный ангел», «Некрещеный поп», тем самым возвращая им их религиозное значение.

Полемическим ответом на оценку Сементковского стали статьи *народнических рецензентов* [18. С. 97–116; 19. С. 5–7], которые, по словам Всеволода Троицкого, не могли простить Лескову его критических тенденций в изображении русских крестьян и скептического отношения к народничеству [10. С. 270–271]. Особенно резким тоном отличался отзыв Ангела Богдановича «Лесков – писатель-анекдотист», в котором критик назвал его «мертвым писателем», лишенным чувства красоты и художественной правды, растратившим свой талант на вычурные анекдоты. Религиозность Лескова Богданович назвал «лицемерным благочестием», отказывая ему в чувстве нравственности и подчеркивая его любование нескромностью и грязью. Подводя итоги статьи, критик так охарактеризовал его «литературную физиономию»: «Писатель, одаренный талантом и наблюдательностью, но без Бога в душе. Циник по складу ума и сластолюбец по темпераменту, он лицемер, прикрывающийся высокими словами, в святость которых не верит <...> двенадцать томов его сочинений – хранилище рассыпанная. В безобразной гряде ее обломков <...> ничего цельного, ничего запечатленного печатью высшего дара, одухотворенного высшей правдой, согретого добротой и верой, – словом, ничего, чему было бы суждено “пройти веков завистливую даль”» [19. С. 7].

Богданович оценил все творчество Лескова как лишенное глубины и подлинности, не признавая правдивости его изображения веры и церкви. Столь негативный отзыв можно объяснить рядом факторов: инерцией прежних оценок, принципиальной полемикой с неприемлемым для критика либеральным народничеством Сементковского, а также характерной для Богдановича склонностью к резким отзывам, утилитарной трактовке литературы и в итоге некоторым упрощениям [20. С. 161].

Очень важным моментом в рецепции личности и творчества Лескова стал выход в 1904 г. работы Анатолия Фаресова «Против течений», представляющей собой «одну из первых попыток всестороннего анализа творчества писателя» [10. С. 274]. Автор книги, лично знакомый с Лесковым, пытался проследить его духовный путь, опираясь при этом во многом на его устные высказывания и письма. Однако работа Фаресова была несвободна от тенденциозности: как и в заметке «Памяти Николая Семеновича Лескова» 1895 г., он старался доказать, что с раннего детства Лесков находился под влиянием протестантской религиозности и был склонен к пиетизму. Поэтому Фаресов верил квазиавтобиографическим признаниям последних лет жизни писателя и преувеличивал значение английских родственников для его формирования. Сближение с Толстым биограф считал вполне

искренним и органическим для Лескова, итогом его духовного пути и окончательным обретением своей «прямой дороги» («Толстой мощно повернул Лескова на его прямую дорогу» [21. С. 108]).

Главные положения книги «Против течений» были развиты и систематизированы в вышедшей в 1916 г. статье Фаресова «Умственные переломы в деятельности Н.С. Лескова», в которой автор выделили два этапа эволюции взглядов писателя: «церковно-славянофильское направление» [22. С. 786] (в другом месте названное «византийско-славянофильским» [22. С. 792]) и «торжество свободной мысли» [22. С. 801]. Первому свойственно было, по мнению Фаресова, полное принятие православной традиции и обрядности, и даже их защита от западных проповедников. Второе характеризовалось уходом от внешних форм выражения религиозности, культом «духа и совести» [22. С. 804] и сближением с позицией Льва Толстого. Эти взгляды Фаресов назвал также «религиозным идеализмом» [22. С. 813], главной чертой которого было желание духовного соединения с Богом. Как и в своей прежней работе, так и здесь биограф открыто высказывал толстовские симпатии, которые видны даже в оценочных названиях этапов развития взглядов Лескова.

С похожих позиций подошел к творчеству Лескова Александр Амфитеатров, который в посвященном ему очерке, вошедшем в опубликованный в 1905 г. сборник «Курганы», резко противопоставил раннее и позднее творчество писателя, особенно положительно оценивая произведения, созданные под влиянием толстовства. Стоит отметить, что Амфитеатров, выходец из духовного сословия, в своем очерке проявил заметную неприязнь к православной церкви, называя ее деятелей людьми, заменяющими «любовь Христову показными условностями формального благочестия» [23. С. 89]. В обличении церковной иерархии и духовенства, выступлении против обрядности и суеверий критик усматривал чуть ли не главную заслугу Лескова, отмечая, что карикатурные изображения у него получаются лучше, чем попытки нарисовать положительные типы.

Этически-общественные критерии при подходе к творчеству писателя продолжали занимать важное место в работах 1910-х гг. Так, в посвященной Лескову главе из «Истории русской литературы XIX в.» под редакцией Дмитрия Овсянко-Куликовского Николай Лернер подчеркнул, что его творчество определялось свойственным ему пониманием литературы как служения Богу, и увидел в писателе «решительно наиболее ярко выраженный религиозный ум» [24. С. 217] после Толстого и Достоевского. Исключительное внимание к проблемам моральности в их связи с христианством считал особой заслугой писателя также священник Н. Стойков, опубликовавший в 1916 г. в церковно-общественном журнале «Отдых христианина» очерк «К 20-летию со дня смерти Н.С. Лескова (21 февраля)». Выраженное в творчестве Лескова убеждение, что «заветы Христа могут быть осуществимы во всех условиях жизни» [25. С. 93], он полагал особенно важным для своих современников, не замечающих возможности приложения евангельского

учения к социальной жизни. Даже критическое изображение духовенства критик оправдывал тем, что русская действительность второй половины XIX в. давала для этого основания. В очерке был отмечен трезвый характер религиозности писателя и отсутствие в ней мистического уклона.

Сложившаяся к концу XIX в. литературная репутация Лескова и его восприятие либо как бытописателя, либо как моралиста и проповедника не способствовали развитию интереса к нему *модернистов*, несмотря на то, что самый реализм вызывал у них не только отторжение, но и привлекал внимание, как источник сюжетов и образов, поддающихся мифологическому переосмыслению [2. С. 88]. Однако творчество Лескова ценили в основном лица, организационно не связанные с символизмом, такие как Михаил Кузмин или Алексей Ремизов [26. С. 76], для которых оно было образцом сказовой стилизации и умелого использования древнерусских и народных мотивов [27. С. 400; 28. С. 348]. Важно подчеркнуть, что Ремизова Лесков привлекал не только как мастер русского языка и знаток русской традиции, но и как правдоискатель, представитель свободной религиозной мысли. Автор «Посолони» особенно ценил изображенные в творчестве своего предшественника типы независимых праведников и духовных бунтарей, в особенности – старообрядцев [29. С. 52–54; 30. С. 69; 31. С. 19, 27–28; 32. С. 230–231].

Стоит отметить и определенный интерес к Лескову основоположников символизма – Дмитрия Мережковского, Зинаиды Гиппиус и Акима Волынского. Так, Волынский еще в 1887 г. напечатал в «Недельной хронике „Восхода“» заметку «Мимоходом. Об одном сказании», посвященную «Сказанию о Федоре-христианине и о друге его Абраме-жидовине», в 1892 г. в «Северном вестнике» писал о «Полунощниках», а 22 апреля того же года состоялась его личная встреча с Лесковым. Критик стал, в сущности, автором первой монографии о Лескове, опубликованной в виде цикла из пяти статей в журнале «Северный вестник» за 1897 г., а в 1923 г. изданной как отдельная книга.

Как отмечает Владимир Котельников, интерес Волынского к творчеству Лескова был связан с его убеждением, что в нем, наряду с Достоевским и Толстым, нашла лучшее воплощение духовная проблематика последней трети XIX в. [11. С. 26–28]. В цикле статей Волынский выстроил образ Лескова как человека и художника вокруг тех творческих форм (персонажей, образов, мотивов), которые, в его оценке, выступали «символами Божества», отражением вечных духовных истин. При этом критик не стремился к научности и полноте охвата, считая свои статьи «литературно-критическими набросками» [33. С. 38], в которых точные наблюдения, основанные на анализе произведений Лескова, восполняются собственными размышлениями и религиозно-философскими интуициями. Такой подход, характерный для символистской критики в целом, стал причиной актуализации творчества автора «Соборян» и включения его в религиозно-литературный контекст рубежа веков [11. С. 28–29]. Волынский сосредоточился в своих очерках на произведениях Лескова 1870-х гг., подчеркивая

их мистический характер и способность писателя проникнуть в глубину народной, «первобытной религиозности» [33. С. 51], изобразить ее внутреннюю простоту, тишину и смирение. Критик указал и на противопоставление в творчестве писателя безрадостных будней и скрытого за ними «праздничного лицезрения Божества» [33. С. 85], которое продолжает освещать человеческую повседневность. Рационалистический и моралистический уклон, характерный для позднего творчества Лескова, Волынский считал признаком распада таланта писателя.

Свойственное символистам внимание к народной религиозности стало причиной определенного интереса к творчеству Лескова со стороны Дмитрия Мережковского, который назвал его имя в известной лекции «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы». Хотя он упомянул писателя лишь в подстрочном примечании вместе с авторами третьего ряда, такими как Петр Боборыкин, Иероним Ясинский или Александр Шеллер-Михайлов, однако дал ему высокую оценку: «Огромный талант-самородок, вечно неожиданный, оригинальный, близкий к духу народа, он слишком мало оценен нашей поверхностной критикой. Его мистические легенды из „Пролога“ – очаровательны. Какая неувыдаемая свежесть, какая наивная и младенческая грация! Эти тысячелетние, засохшие цветы с едва заметным слабым ароматом, заложенные между пыльными пергаментными страницами древнецерковных или раскольниковых книг, под пером художника каким-то чудом вдруг оживают, распускаются, вспыхивают внешними красками как только что распустившиеся, как только что сорванные» [34. С. 554].

В приведенной характеристике заметна тенденция к актуализации творчества Лескова, педалированию в нем тех элементов, которые имели особое значение для духовных поисков создателей «нового религиозного сознания», в первую очередь – народной веры и сектантской мистики [35. С. 142–143].

Последняя стала объектом особого интереса примакающего к символистам декадентского критика Николая Абрамовича, который в очерке «Мистицизм в творчестве Н. Лескова» указал на величие писателя, заключающееся в том, что он открыл дверцу древнего мира, исполненного тайны, света и чистого Богоощущения, и почерпнул оттуда прекрасные образы героев, таких как старец Памва и отрок Левонтий. В то же время недостаток Лескова критик усматривал в сочетании «просветов в голубую бездну неба» с изображением «пыльной пошлости обыденности» [36. С. 230], ведущим к омертвлению мира. Определения Абрамовича являются ярким примером свойственного символистам восприятия быта лишь как миража, за которым скрыта подлинная сущность мира [2. С. 87], и использования этих категорий для выборочной, крайне субъективной интерпретации произведений предыдущей эпохи.

Одной из важнейших оценок лесковской религиозности и, в частности, отношения писателя к православию, стал доклад Сергея Дурылина, известного в свое время писателя, историка, литературоведа. Доклад был прочитан 1 декабря 1913 г. на закрытом за-

седании Общества памяти Вл. Соловьева, а его вторую часть напечатал в 1916 г. с многими ошибками киевский ежемесячник «Христианская мысль» [37]. Полностью доклад был опубликован лишь в 2011 г. в журнале «Москва» [38], а затем включен в сборник «Творческое наследие С.Н. Дурылина» [39].

Характеризуя Лескова, Дурылин подчеркнул единение в его характере двух противоположных качеств: тяги к тишине и святости – с жесткостью и безудержностью. Такое сочетание контрастных черт и устремлений (отмеченное, напомним, еще Протопоповым и Венгеровым) критик считал типичным для русского характера, и поэтому воспринимал Лескова как неразрывно связанного со своей родиной и спецификой ее духовности, в которой грех переплетается со святостью.

Парадоксальность личности писателя нашла свое выражение также в его мировидении, одинаковой чуткости к величию и красоте – и к скрытой под ними прозе жизни, что для Дурылина, в отличие от Абрамовича, не являлось недостатком, а лишь особенностью прозы Лескова. Критик указал на наличие в творчестве писателя как образов благодати «православной ризы» (старец Памва из «Запечатленного ангела», герои «Соборян», Кириак из рассказа «На краю света»), так и «пота и крашенины от этой ризы» («Мелочи архиерейской жизни», «Поповская чехарда») [38].

Дурылин обратил внимание и на эволюцию мировоззрения Лескова, подчеркивая, что в 1870-е гг. он прикоснулся к православию как пути к упорядочению своей жизни и воссозданию ее гармонии, однако этот путь оказался для него слишком трудным. В результате в поисках потерянной гармонии Лесков обратился к учению Льва Толстого, которое Дурылин считал упрощением, «рационалистическим обрезанием». Однако критик отметил, что он, уходя от православия, был убежден, что не уходит при этом от Христа, а наоборот – ищет Его. Именно стремление к Богу и поиск Христа Дурылин считал центральными темами произведений Лескова и творимой им легенды. Сопоставляя трактовку веры в творчестве Достоевского и Лескова, он отметил, что первый изображал мятежников, сомневающихся в существовании Бога, а второй – людей изначально верующих, хотя «так же многого, своеобразно <...> своеобразно, как верил сам Лесков» [37. С. 76].

В своей статье Дурылин неоднократно подчеркивал лесковское «гениальное чутье к православию» [37. С. 77], которое он видел и в вере писателя, что всякая человеческая истина и добро восходят ко Христу, даже если стремящийся к ним человек не считает себя членом Церкви. Именно эта убежденность лежит, по мнению Дурылина, в основе лесковской легенды о праведниках, «христианах без Христа <...> не знающих имени своей правде» [37. С. 74]. Она же является движущей силой стремления к всеобщему единству, жажда которого находит выражение в дерзновенной молитве о Кириаке из повести «На краю света», названной Дурылиным «христианнейшей из молитв» [37. С. 86].

Мнения, выраженные в этой работе, несут на себе заметный отпечаток личности ее автора, чьи труды

1910–1920-х гг. были названы «мимикрией философии и богословия под литературоведение» [40]. Понятие «творимая легенда», противопоставление серой повседневности и мистического Богопознания, особый интерес к русской народной религиозности характерны и для Серебряного века в целом. В стремлении к всеобщему единству можно видеть влияние философских идей Владимира Соловьева, а акцентирование первичности личного религиозного опыта, вера в скрытое присутствие Христа во всем мире и Его тайное проявление во всяком добром поступке или явлении (т.е. стремление к расширению границ Церкви) были свойственны христианскому модернизму рубежа XIX и XX вв. [41. С. 51–61]. Таким образом, созданный Дурылиным образ Лескова является в значительной мере проекцией его собственных представлений и религиозно-философских интуиций эпохи.

Подводя итоги, необходимо еще раз перечислить различия в рецепции религиозных мотивов в творчестве Николая Лескова критиками конца XIX – начала XX в., представляющими два главных направления – социологическое и модернистское. Первое было преобладающим, по крайней мере в количественном отношении – писатель привлекал больший интерес именно социологически ориентированной критики, которая видела в нем, с одной стороны, бытописателя духовенства и знатока церковного быта, с другой же – проповедника рационально-этической религиозности в духе толстовства. Характерной чертой этих отзывов было указание на перелом, наступивший в творчестве Лескова в 1880-е гг., и обращение в первую очередь к позднему творчеству писателя, в котором критики видели достижение желанной уравновешенности и ясности этической позиции. Они подчеркивали трезвую религиозность писателя и влияние протестантизма на его духовное становление, часто оценивая православные мотивы и образы как «византизм» и поверхностно-обрядную трактовку веры, или даже обращая внимание только на обличительно-критические тенденции в изображении церковной действительности. В целом творчество Лескова 1860–1870-х гг. оценивалось обычно невысоко, как бытописание, отмеченное раздвоенностью и внутренними противоречиями.

С совершенно противоположной установкой мы имеем дело в скромнее представленной критике модернистского направления. Ее последователи тоже отмечали наличие двух периодов в творчестве Лескова, однако выше ставили первый из них, считая второй излишне рационалистическим и моралистическим. Высшее же достижение писателя они видели в проникновении в мистические глубины русской народной религиозности и в способности представить их как скрытый смысл скучной повседневности. Раздвоенность Лескова между тишиной веры и личными страстями могла оцениваться ими по-разному, как слабость, приведшая затем к распаденю его таланта (Волынский), или как отображение свойств русской души, колеблющейся между святостью и грехом (Дурылин).

Противоречивость и двойственность в восприятии наследия Лескова, переосмысление (вплоть до иска-

жения) его позиции в соответствии с потребностями того или другого исторического момента и идеологии будут, в сущности, характерны для его рецепции и в последующие времена, вплоть до современности. Это особенно ярко демонстрирует представленная Майей Кучерской история встроения Лескова в советский национальный миф, в который писатель был включен во время Великой Отечественной войны, когда наблюдается идеологический поворот от интернационализма к воспеванию величия России и русского человека [42]. Такой же нередко предвзятой интерпретации подвергалась лесковская религиозность: от акцентирования антиклерикальных мотивов его произведений в советском литературоведении [43–44] до представления писателя в некоторых исследованиях рубежа XX–XXI вв. как «духовного наставника своих читателей» [45].

Как отметила Татьяна Ильинская, проблема религиозности Лескова и в особенности его отношения к православной церкви получает в трудах современных ученых очень разные, иногда противоположные оценки [46. С. 40]. Так, в ряде работ заметна отчетливая тенденция акцентировать нараставший с 1875 г. кризис церковности писателя, причем резкие суждения последних лет его жизни нередко экстраполируются и на более раннее творчество. Иногда при этом происходит своеобразный суд над Лесковым, его обвинение в ереси и неправославии. Эта линия, восходящая к статье архим. Антония (Храповицкого) «Знамение времени» [47], представлена немногими работами, а ее наиболее известным выразителем являлся литературовед и преподаватель Московской духовной академии Михаил Дунаев, автор многотомной монографии «Православие и русская литература». В этой работе он назвал взгляд Лескова на церковь ересью, сущность которой заключалась в противопоставлении христианской веры и православной церкви [48. С. 578]. К столь же однозначным выводам пришел и А.Б. Румянцев, увидевший причину неизбежного разрыва Лескова с православием в его стремлении согласовать веру с разумом, а также в отношении к церкви лишь как к общественному институту, призванному проповедовать нравственность [49]. Мнение об отрицании писателем церкви появляется также в ряде других статей [50, 51], в которых, однако, в недостаточной степени учитывается исторический контекст творчества Лескова и публицистические дискуссии на тему нарастающего церковного кризиса.

Представленный подход не является, однако, доминирующим в современной лесковедении. Наоборот, среди исследователей преобладает противоположная тенденция воспринимать наследие писателя как выражение русского национального православного самосознания [52. С. 19] и мистической стороны православия [53. С. 12], акцентировать лежащую в основе лесковской системы ценностей христианскую аксиологическую и антропологическую парадигму [54] или соотносить его творчество с русской религиозной философией [55]. В частности, в работах Аллы Новиковой-Строгановой, регулярно публикуемых на порталах «Русская народная линия», «Русское поле», «Омилия» и т.п., подчеркивается присутствие христ-

анских идеалов во всех произведениях Лескова и его глубокая верность православию. При несомненной ценности многих наблюдений исследовательницы, которая обращается как к художественному творчеству писателя, так и к его малоизученной публицистике и биографическим материалам, ее оценки кажутся нам излишне упрощенными и идеализирующими по отношению к сложности религиозного мировоззрения Лескова. В целом эта линия в трактовке религиозности автора «Соборян» продолжает, на наш взгляд, намеченную уже в конце XIX столетия тенденцию сглаживать противоречия и диссонансы его личности.

Наконец, существует третья группа современных исследователей Лескова, которые подчеркивают сложность и неоднозначность его религиозной позиции. Так, Александр Власкин отмечает стремление Лескова к размытию границ церкви, которая представлена в его произведениях амбивалентно, как, с одной стороны, ущемленная государством в своих правах и возможностях, а с другой – как неспособная заслужить уважение паствы [56]. Борис Куницын сопоставляет писателя с Петром Знаменским, который также отчетливо видел темные стороны церковной жизни, но при этом, в отличие от Лескова, до конца жизни верил во внутреннюю потенцию православия и возможность преодоления накопившихся отрицательных наслоений [57. С. 176]. Церковно-исторический контекст творчества Лескова привлекает в своих работах Андрей Дмитриев, подчеркивая наличие серьезных проблем и искажений в церковной жизни XIX в., что порождало вопросы и сомнения относительно того, чем на самом деле является верность православию [58. С. 113, 131]. Исследователь обращает также внимание на малоизученный вопрос творческих контактов Лескова с современными ему религиозно-общественными деятелями на примере отношений с Никитой Гиляровым-Платоновым [59].

Необходимо упомянуть также работы Татьяны Ильинской, посвященные, в первую очередь, феномену «разноверия» в творчестве Лескова, который рассматривается в тесной связи с вопросом отношения писателя к православной церкви. Исследовательница неоднократно подчеркивает, что живой интерес автора «Соборян» к религиозному разномыслию был обусловлен, в первую очередь, его отталкиванием от официального, государственного православия и осознанием неблагополучного духовного состояния русской церкви. Ильинская считает, что сложившаяся ситуация вызывала беспокойство Лескова, у которого почти на всех этапах жизни критика церкви, даже самая резкая, была продиктована заботой о ее духовном возрождении, а не отчуждением [60. С. 26–27, 42, 240].

Многогранность церковной позиции Лескова рассматривает в своих статьях также Ольга Майорова, отмечая ключевые проблемы в восприятии писателем православия, которое в 1870–1880-е гг. оказалось для него внутренне конфликтным: «...его обрядовая сторона приходит в противоречие с догматической, церковный быт подавляет и заглушает религиозный дух, церковь, как социальный институт губит церковь как собрание верующих» [61. С. 132]. Майорова тем са-

мым акцентирует ощущаемую Лесковым трагическую разорванность православного сознания, что и привело его в конце жизни к идее межконфессионального христианства и соединения церквей [61. С. 133–137].

Наконец, стоит упомянуть исследования Майи Кучерской, которая подчеркивает такие особенности религиозности Лескова, как совмещение глубокой веры и столь же сильного скепсиса, разнообразие духовных влияний и поисков, принципиальное значение свободы в деле веры, а также практическое воплощение христианских идеалов и первостепенная роль Священного Писания. Кучерская указывает и на отражение в произведениях Лескова церковных вопросов, актуальных для духовной прессы второй половины XIX в., таких как унижение духовенства, религиозное невежество общества, ослабление связи между священником и прихожанами, церковная ложь. В ее интерпретации Лесков оказывается очень современным писателем, требующим от человека постоянных духовных усилий и совершения выбора [62; 63. С. 327–341].

Представленные противоречия, сдвиги, перемены в осмыслении творчества совершались и в отношении других писателей, и они тесно связаны с проблемой литературной репутации. Как отметил Абрам Рейтблат, на ее формирование влияют, с одной стороны, тексты произведений, а с другой – социальная, поли-

тическая и литературная позиция их автора, причем вторая часто выходит на первый план при его жизни, первая же приобретает все большее значение после смерти [64. С. 52]. Эта закономерность очень хорошо заметна в случае Лескова, и как раз рубеж XIX и XX вв. является тем временем, когда произошел сдвиг от его восприятия как реакционера/толстовца/моралиста к более пристальному вниманию собственно к художественному творчеству. Этому способствовали и характерные для модернизма перемены эстетических установок, в особенности развитие интереса к языковой форме, стилистике и многозначности слова.

Наконец, необходимо добавить, что творчество Лескова и сама фигура писателя особо предрасполагают к порождению многообразных, нередко противоречивых интерпретаций, в том числе и относящихся к религиозной проблематике. Этому способствует продолжавшаяся всю жизнь эволюция взглядов писателя, не позволяющая, в сущности, вообще говорить о наличии единственной позиции, а также поэтика его творчества, в особенности указанная Дмитрием Лихачевым «ложная этическая оценка» [65. С. 158–165]. Она осложняет определение авторской точки зрения и оставляет особенно большое пространство для интерпретации, но и для манипулирования лесковскими текстами в зависимости от особенностей эпохи, интересов критика, идейных и идеологических установок и запросов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кулешов В.И. История русской критики XVIII – начала XX веков. М.: Просвещение, 1984. 528 с.
2. Минц З.Г. О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве русских символистов // Минц З.Г. Поэтика русского символизма. СПб.: Искусство, 2004. С. 59–96.
3. Biernat E. W kręgu modernistycznego ezoteryzmu // Światło i ciemność. Motywy ezoteryczne w literaturze rosyjskiej przełomu XIX i XX wieku / red. E. Biernat. Gdańsk: Wydawnictwo UG, 2001. S. 7–16.
4. Петрова А.Л. «Узнай себя»: Сократ, Сковорода, Лесков. К постановке проблемы // Sciences and Humanities: Современное гуманитарное знание как синтез наук. 2012. № 1. С. 144–148.
5. Введенский А.И. Современные литературные деятели. II. Николай Семенович Лесков // Исторический вестник. 1890. № 5. С. 393–406.
6. Скабичевский А.М. Чем отличается направление в искусстве от партийности. (По поводу сочинений г. Н.С. Лескова) // Северный вестник. 1891. № 3. С. 261–275; № 4. С. 283–298; № 5. С. 251–267.
7. Протопопов М.А. Большой талант (Собрание сочинений Н.С. Лескова. Десять томов. СПб., 1889–1891 гг.) // Русская мысль. 1891. № 12. С. 258–278.
8. Р.Д. <Дистерло Р.А.>. Н.С. Лесков. Критический очерк // Неделя. 1890. № 28. С. 886–891.
9. Меньшиков М.О. Художественная проповедь (XI том сочинений Н.С. Лескова) // Книжки Недели. 1894. № 2. С. 160–184.
10. Троицкий В.Ю. Художественное наследие Н.С. Лесков в сознании поколений (от современников до Горького) // Время и судьбы русских писателей. М.: Наука, 1981. С. 249–283.
11. Котельников В.А. Между ареной и пантеоном. Н.С. Лесков в критике 1890-х – 1910-х годов // Н.С. Лесков: классик в неклассическом освещении. СПб.: Владимир Даль, 2011. С. 3–34.
12. <Б.п.>. Некролог // Странник. 1895. № 3. С. 634–636.
13. Митякин А. <Лопухин А.П.>. Покойный Н.С. Лесков как бытописатель духовенства и соприкосновенной с ним области // Церковный вестник. 1895. № 9. С. 278–281.
14. Краснов П.Н. Чуткий художник и стилист. Памяти Н.С. Лескова // Труд. 1895. № 5. С. 448–457.
15. Фаресов А.И. Памяти Николая Семеновича Лескова // Исторический вестник. 1895. № 4. С. 177–203.
16. Венгеров С.А. Лесков // Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. СПб.: Издательство Ф.А. Брокгауз – И.А. Эфрон, 1896. Т. 18. С. 147–150.
17. Сементковский Р.И. Николай Семенович Лесков // Лесков Н.С. Полное собрание сочинений. СПб.: Издание А.Ф. Маркса, 1897. Т. 1. С. V–LVI.
18. Михайловский Н.К. Литература и жизнь // Русское богатство. 1897. Т. 2. С. 97–116.
19. Богданович А.И. Лесков – писатель-анекдотист // Мир Божий. 1897. № 1. С. 5–7.
20. Литературный процесс и русская журналистика конца XIX – начала XX века. 1890–1904. Социал-демократические и общедемократические издания / ред. Б.А. Бялик. М.: Наука, 1981. 388 с.
21. Фаресов А.И. Против течений. Н.С. Лесков. Его жизнь, сочинения, полемика и воспоминания о нем. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1904. 411 с.
22. Фаресов А.И. Умственные переломы в деятельности Н.С. Лескова // Исторический вестник. 1916. № 3. С. 786–819.
23. Амфитеатров А.В. Николай Семенович Лесков // Амфитеатров А.В. Курганы. СПб.: Общественная польза, 1905. С. 77–93.
24. Лернер Н.О. Николай Семенович Лесков // История русской литературы XIX в. М.: Мир, 1911. Т. 4. С. 207–229.
25. Стойков Н. К 20-летию со дня смерти Н.С. Лескова (21 февраля) // Отдых христианина. 1916. № 2. С. 90–98.
26. Пильд Л. Н.С. Лесков в оценке Мережковских // Блоковский сборник XV. Русский символизм в литературном контексте рубежа XIX–XX вв. Тарту: University of Tartu Press, 2000. С. 76–89.
27. Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов) / ред. В.А. Келдыш. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2001. Т. 2. 768 с.

28. Эйхенбаум Б.М. О прозе М. Кузмина // Эйхенбаум Б.М. О литературе. М. : Сов. писатель, 1987. С. 348–351.
29. Waszkielewicz H. Modernistyczny starowiec. Główne motywy prozy Aleksego Riemizowa. Kraków : Wydawnictwo UJ, 1994. 152 s.
30. Woźniak A. Tradycja ruska według Aleksego Riemizowa. Lublin : Redakcja Wydawnictwa KUL, 1995. 273 s.
31. Туниманов В.А. Тропа Ремизова к Лескову // Русская литература. 1998. № 3. С. 18–32.
32. Шелаева А.А. Н.С. Лесков – трансцендентный друг и наставник А.М. Ремизова // От модернизма к постмодернизму. Русская литература XX–XXI веков. Kraków : Instytut Filologii Wschodniosłowiańskiej, 2014. S. 223–233.
33. Волинский А.Л. Н.С. Лесков // Н.С. Лесков: классик в неклассическом освещении. СПб. : Владимир Даль, 2011. С. 37–154.
34. Мережковский Д.С. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы // Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. М. : Республика, 1995. С. 522–560.
35. Krycka-Michnowska I. O sobie, o Rosji, o duszy rosyjskiej. Dzienniki Zinaidy Gippius. Katowice : Śląsk, 2015. 500 s.
36. Абрамович Н.Я. Мистицизм в творчестве Н. Лескова // Абрамович Н.Я. Литературно-критические очерки. СПб. : Пушкинская скоропечатня, 1909. Т. 1. С. 227–237.
37. Дурылин С.Н. О религиозном творчестве Н.С. Лескова // Христианская мысль. 1916. № 11. С. 73–86.
38. Дурылин С.Н. Николай Семенович Лесков. Опыт характеристики личности и религиозного творчества // Москва. 2011. № 2. С. 113–147. URL: http://www.moskvam.ru/publications/publication_532.html (дата обращения: 3.09.2020).
39. Дурылин С.Н. Николай Семенович Лесков. Опыт характеристики личности и религиозного творчества // Творческое наследие Н.С. Дурылина : сб. статей. М. : Совпадение, 2016. Т. 2. С. 193–224.
40. Сайт поклонников творчества С.Н. Дурылина. URL: <http://durylinmuseum.com/s-n-durylin/> (дата обращения: 26.06.2019).
41. Воронцова И.В. Основопологающие черты христианского модернизма (конец XIX – начало XX в.) // Вопросы философии. 2010. № 10. С. 51–61.
42. Кучерская М.А. Comrade Leskov: How a Russian writer was integrated into the Soviet national myth // Russian National Myth in Transition. Acta Slavica Estonica, VI. Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia, XIV. Tartu : University of Tartu Press, 2014. С. 187–207.
43. Азбукин В.Н. Критика духовенства и православной церкви в очерках Н.С. Лескова «Мелочи архиерейской жизни» // Труды Томского государственного университета. 1960. № 35. С. 124–140.
44. Горячкина М.С. Антицерковная сатира Лескова // Русская литература в борьбе с религией. М. : АН СССР, 1963. С. 225–247.
45. Новикова-Строганова А.А. Насквозь русский // Русская народная линия. URL: http://ruskline.ru/analitika/2018/01/25/naskvoz_russkij/ (дата обращения: 25.02.2020).
46. Ильинская Т.Б. Христианские мотивы в творчестве Н.С. Лескова (проблема интерпретации) // Sciences and humanities: современное гуманитарное знание как синтез наук. Лесковский палимпсест. 2012. № 1 (1). С. 40–44.
47. Храповицкий А. Знамение времени // Богословский вестник. 1892. № 2. С. 415–419.
48. Дунаев М.М. Вера в горниле сомнений. Православие и русская литература в XVII–XX вв. М. : Издательский совет РПЦ, 2003. 1056 с.
49. Румянцев А.Б. Н.С. Лесков и русская православная церковь // Русская литература. 1995. № 1. С. 212–217.
50. Кольцова Ю.Н. Духовные искания Н.С. Лескова: Кризис христианской идеи в творчестве Лескова 1870-х гг. // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2000. № 4. С. 87–95.
51. Долгова Е.В. Два взгляда на «Северный Афон»: А.Н. Муравьев и Н.С. Лесков // Христианство и русская литература. СПб. : Наука, 2002. Сб. 4. С. 292–299.
52. Троицкий В.Ю. Н.С. Лесков. Начало пути. Истоки творчества. М. : ИМЛИ РАН, 2015. 270 с.
53. Мосалева Г.В. Изюбри русской словесности: А.Н. Островский, Н.С. Лесков, И.С. Шмелев. Ижевск : Издательский центр «Удмуртский университет», 2019. 196 с.
54. Старыгина Н.Н. Русский роман в ситуации философско-религиозной полемики 1860–1870-х годов. М. : Языки славянской культуры, 2003. 352 с.
55. Шелковникова Л.Ф. Религиозно-этический контекст в творчестве Н.С. Лескова // Жизненные силы славянства на рубеже веков и мировоззрений. Барнаул: Издательство АГУБ, 2001. Ч. 2. С. 66–75.
56. Власкин А.П. К диалогу Лескова и Достоевского о культурной роли русской церкви // Проблемы истории, филологии, культуры. 1996. № 3. С. 235–241.
57. Куницын Б.М. Казанский адресат Н.С. Лескова: о переписке писателя с профессором Казанской духовной семинарии П.В. Знаменским // Русская литература. 2006. № 3. С. 168–184.
58. Дмитриев А.П. Н.С. Лесков и Остзейский вопрос: тревожения этнорелигиозной неангажированности // Христианство и русская литература: Взаимодействие этнокультурных и религиозно-этических традиций в русской мысли и литературе. СПб. : Наука, 2010. Сб. 6. С. 98–164.
59. Дмитриев А.П. Н.С. Лесков и Н.П. Гиляров-Платонов: моменты единомыслия и разногласий в публицистике современников // Вестник Костромского государственного университета. 2018. № 2. С. 111–115.
60. Ильинская Т.Б. Русское разноречие в творчестве Н.С. Лескова. СПб. : Издательство НИЯК, 2010. 252 с.
61. Майорова О.Е. Н.С. Лесков: структура этно-конфессионального пространства // Тыняновский сборник 10: Шестые – Седьмые – Восьмые Тыняновские чтения. М. : Книжная палата, 1998. С. 118–138.
62. Христианство в творчестве Лескова – лекция Майи Кучерской // Правмир. URL: <https://www.pravmir.ru/hristianstvo-v-tvorchestve-leskova-lektsiya-mayi-kucherskoj-video/> (дата обращения: 15.03.2021).
63. Кучерская М. Лесков. Прозванный гений. М. : Молодая гвардия, 2021. 622 с.
64. Рейтблат А.И. Как Пушкин вышел в гении. Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи. М. : Новое литературное обозрение, 2001. 336 с.
65. Лихачев Д.С. «Ложная» этическая оценка у Н.С. Лескова // Лихачев Д.С. Литература – реальность – литература. Л. : Сов. писатель, 1981. С. 158–165.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 5 июля 2021 г.

Reception of Religious Themes in Nikolai Leskov's Works at the Turn of the 20th Century

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 468, 34–43.

DOI: 10.17223/15617793/468/4

Marta Łukaszewicz, University of Warsaw (Warsaw, Poland). E-mail: marta.lukaszewicz@uw.edu.pl

Keywords: Nikolai Leskov; reception; literary criticism; realism; modernism; religion.

The article aims to consider tendencies predominating in literary criticism at the turn of the 20th century in its reception of religious issues in Nikolai Leskov's works, to identify the peculiarities of their understanding by representatives of diverse groups and trends, to examine their influence on changes in Leskov's literary reputation. The role of the spiritual atmosphere of the Silver Age in changing attitudes towards Leskov's legacy is mentioned, as well as the consequences of the duality of his reception formed at that time. The research materials consists of various works of literary criticism (articles, notes, reviews) written and published in Russia

between 1895 and 1917. They are studied using the methods of the thematic, discourse and comparative analysis of the text. The research demonstrated that the comprehension of Leskov's legacy, which began at the end of the writer's life, took place in the critical period of the coexistence of realism and symbolism in literature, and sociological and modernist trends in criticism. Leskov's literary works attracted mainly critics of the sociological trend, who emphasized the writer's evolution from a photographic depiction of Russian Orthodox clergymen's everyday life to the finding of peace, rational and moral understanding of religiosity akin to Protestantism and Leo Tolstoy's teaching. The approach of the less numerous modernist critics was different as they appreciated Leskov's depiction of the mystical depths of Orthodoxy, his penetration into the secrets of the popular faith and ability to juxtapose them with the mundane life. They evaluated the late works of the writer as less interesting, excessively rationalistic and moralising. Thus, the analysis of literary reviews of the turn of the 20th century allows making a conclusion about a strong influence of the artistic principles of the two main literary movements of the epoch, and critics' desire to incorporate Leskov into the modern context, thereby updating his legacy. Such a possibility is, in particular, the result of Leskov's ideological evolution and of the peculiarity of his manner of writing, with its elusive author's position, which still makes it feasible to formulate contradictory assessments of his works and personal religiosity, varying between a 'heretic' and 'profoundly Orthodox'. In addition, the author observed the fundamental importance of the category of literary reputation and noted the fact of transition from assessing the personality and socio-political stance of the author to evaluating his artistic output. It was also due to the beginning of the 'linguistic turn' of the literary critics of the time, which resulted in the reception of Leskov's works becoming more complex and multifaceted. The contradictory assessment of his works and, in particular, their religious component, still continue to shape the position of many contemporary researchers.

REFERENCES

1. Kuleshov, V.I. (1984) *Istoriya russkoy kritiki XVIII – nachala XX vekov* [The history of Russian criticism of the 18th – early 20th centuries]. Moscow: Prosveshchenie.
2. Mints, Z.G. (2004) *Poetika russkogo simbolizma* [Poetics of Russian Symbolism]. St. Petersburg: Iskustvo. pp. 59–96.
3. Biernat, E. (2001) W kręgu modernistycznego ezoteryzmu. In: Biernat, E. *Światło i ciemność. Motywy ezoteryczne w literaturze rosyjskiej przełomu XIX i XX wieku*. Gdańsk: Wydawnictwo UG. pp. 7–16.
4. Petrova, A.L. (2012) "Uznay sebya": Sokrat, Skovoroda, Leskov. K postanovke problemy ["Know yourself": Socrates, Skovoroda, Leskov. To the problem statement]. *Sciences and Humanities: Sovremennoe gumanitarnoe znanie kak sintez nauk*. 1. pp. 144–148.
5. Vvedenskiy, A.I. (1890) Sovremennye literaturnye deyateli. II. Nikolay Semenovich Leskov [Modern literary figures. II. Nikolai Semenovich Leskov]. *Istoricheskiy vestnik*. 5. pp. 393–406.
6. Skabichevskiy, A.M. (1891) Chem otlichaetsya napravlenie v iskusstve ot partiynosti. (Po povodu sochineniy g. N.S. Leskova) [The difference between the direction in art and the partisanship. (Concerning the writings of Mr. NS Leskov)]. *Severnyy vestnik*. 3. pp. 261–275; 4. pp. 283–298; 5. pp. 251–267.
7. Protopopov, M.A. (1891) Bol'noy talant (Sobranie sochineniy N.S. Leskova. Desyat' tomov. SPb., 1889–1891 gg.) [A sick talent (Collected works of N.S. Leskov. Ten volumes. St. Petersburg, 1889–1891)]. *Russkaya mysl'*. 12. pp. 258–278.
8. R.D. <Distler R.A.>. (1890) N.S. Leskov. Kriticheskiy ocherk [N.S. Leskov. A critical essay]. *Nedelya*. 28. pp. 886–891.
9. Men'shikov, M.O. (1894) Khudozhestvennaya propoved' (XI tom sochineniy N.S. Leskova) [Artistic sermon (XI volume of the works of N.S. Leskov)]. *Knizhki Nedeli*. 2. pp. 160–184.
10. Troitskiy, V.Yu. (1981) Khudozhestvennoe nasledie N.S. Leskov v soznanii pokoleniy (ot sovremennikov do Gor'kogo) [Artistic sermon (XI volume of the works of NS Leskov)]. In: *Vremya i sud'by russkikh pisateley* [Time and Fates of Russian Writers]. Moscow: Nauka. pp. 249–283.
11. Kotelnikov, V.A. (2011) Mezhdru arenoy i panteonom. N.S. Leskov v kritike 1890-kh – 1910-kh godov [Between the arena and the pantheon. N.S. Leskov in criticism of the 1890s–1910s]. In: *N.S. Leskov: klassik v neklassicheskom osveshchenii* [N.S. Leskov: a classic in non-classical interpretation]. St. Petersburg: Vladimir Dal'. pp. 3–34.
12. <B.p.>. (1895) Nekrolog [Obituary]. *Strannik*. 3. pp. 634–636.
13. Mityakin, A. <Lopukhin A.P.>. Pokoynny N.S. (1895) Leskov kak bytopisatel' dukhovenstva i soprikoisnovenny s nim oblasti [Leskov as a writer of everyday life of the clergy and the area in contact with them]. *Tserkovnyy vestnik*. 9. pp. 278–281.
14. Krasnov, P.N. (1895) Chutkiy khudozhnik i stilist. Pamyati N.S. Leskova [Sensitive artist and stylist. In memory of N.S. Leskov]. *Trud*. 5. pp. 448–457.
15. Faresov, A.I. (1895) Pamyati Nikolaya Semenovicha Leskova [In memory of Nikolai Semenovich Leskov]. *Istoricheskiy vestnik*. 4. pp. 177–203.
16. Vengerov, S.A. (1896) Leskov. In: *Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona* [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]. Vol. 18. St. Petersburg: Izdatel'stvo F.A. Brokgauz – I.A. Efron. pp. 147–150.
17. Sementkovskiy, R.I. (1897) Nikolay Semenovich Leskov. In: Leskov, N.S. Polnoe sobranie sochineniy [Complete works]. Vol. 1. St. Petersburg: Izdanie A.F. Marksa. pp. V–LVI.
18. Mikhaylovskiy, N.K. (1897) Literatura i zhizn' [Literature and life]. *Russkoe bogatstvo*. 2. pp. 97–116.
19. Bogdanovich, A.I. (1897) Leskov – pisatel'-anekdotist [Leskov – an anecdotist writer]. *Mir Bozhiy*. 1. pp. 5–7.
20. Byalik, B.A. (ed.) (1981) *Literaturnyy protsess i russkaya zhurnalistika kontsa XIX – nachala XX veka. 1890–1904. Sotsial-demokraticheskie i obshchedemokraticheskie izdaniya* [Literary process and Russian journalism of the late 19th – early 20th centuries. 1890–1904]. Moscow: Nauka.
21. Faresov, A.I. (1904) *Protiv techeniy. N.S. Leskov. Ego zhizn', sochineniya, polemika i vospominaniya o nem* [Against the currents. N.S. Leskov. His life, writings, polemic and memories of him]. St. Petersburg: Tip. M. Merkusheva.
22. Faresov, A.I. (1916) Umstvennye perelomy v deyatel'nosti N.S. Leskova [Mental fractures in the activities of N.S. Leskov]. *Istoricheskiy vestnik*. 3. pp. 786–819.
23. Amfiteatrov, A.V. (1905) Kurgany [Mounds]. St. Petersburg: Obshchestvennaya pol'za. pp. 77–93.
24. Lerner, N.O. (1911) Nikolay Semenovich Leskov. In: *Istoriya russkoy literatury XIX v.* [History of Russian Literature of the 19th century]. Vol. 4. Moscow: Mir. pp. 207–229.
25. Stoykov, N. (1916) K 20-letiyu so dnya smerti N.S. Leskova (21 fevralya) [To the 20th anniversary of the day of N.S. Leskov's death]. *Otdykh khristianina*. 2. pp. 90–98.
26. Pil'd, L. (2000) N.S. Leskov v otsenke Merezhkovskikh [N.S. Leskov in the assessment of the Merezhkovskys]. In: *Blokovskiy sbornik XV. Russkiy simbolizm v literaturnom kontekste rubezha XIX–XX vv.* [Blok collection XV. Russian symbolism in the literary context of the turn of the 20th century]. Tartu: University of Tartu Press. pp. 76–89.
27. Keldysh, V.A. (ed.) (2001) *Russkaya literatura rubezha vekov (1890-e – nachalo 1920-kh godov)* [Russian literature of the turn of the century (1890s – early 1920s)]. Vol. 2. Moscow: IWL RAS.
28. Eykhenbaum, B.M. (1987) *O literature* [On literature]. Moscow: Sov. Pisatel'. pp. 348–351.
29. Waszkielewicz, H. (1994) *Modernistyczny starowiec. Główne motywy prozy Aleksego Riemizowa*. Kraków: Wydawnictwo UJ.
30. Woźniak, A. (1995) *Tradycja ruska według Aleksego Riemizowa*. Lublin: Redakcja Wydawnictw KUL.
31. Tunimanov, V.A. (1998) Tropa Remizova k Leskovu [Remizov's path to Leskov]. *Russkaya literatura*. 3. pp. 18–32.

32. Shelaeva, A.A. (2014) N.S. Leskov – transtsendentnyy drug i nastavnik A.M. Remizova [Leskov as a transcendental friend and mentor of A.M. Remizov]. In: *Ot modernizma k postmodernizmu. Russkaya literatura XX–XXI vekov* [From modernism to postmodernism. Russian literature of the 20th–21st centuries]. Kraków: Instytut Filologii Wschodniosłowiańskiej. pp. 223–233.
33. Volynskiy, A.L. (2011) N.S. Leskov. In: *N.S. Leskov: klassik v neklassicheskom osveshchenii* [N.S. Leskov: a classic in non-classical interpretation]. St. Petersburg: Vladimir Dal'. pp. 37–154.
34. Merezkovskiy, D.S. (1995) *L. Tolstoy i Dostoevskiy. Vechnye sputniki* [L. Tolstoy and Dostoevsky. Eternal companions]. Moscow: Respublika. pp. 522–560.
35. Krycka-Michnowska, I. (2015) *O sobie, o Rosji, o duszy rosyjskiej. Dzienniki Zinaidy Gippius*. Katowice: Śląsk.
36. Abramovich, N.Ya. (1909) *Literaturno-kriticheskie ocherki* [Literary critical essays]. Vol. 1. St. Petersburg: Pushkinskaya skoropechatnya. pp. 227–237.
37. Durylin, S.N. (1916) O religioznom tvorchestve N.S. Leskova [On the religious works of N.S. Leskov]. *Khristianskaya mysl'*. 11. pp. 73–86.
38. Durylin, S.N. (2011) Nikolay Semenovich Leskov. Opyt kharakteristiki lichnosti i religioznogo tvorchestva [Nikolai Semenovich Leskov. Experience of characterizing his personality and religious works]. *Moskva*. 2. pp. 113–147. [Online] Available from: http://www.moskvam.ru/publications/publication_532.html (Accessed: 3.09.2020).
39. Durylin, S.N. (2016) Nikolay Semenovich Leskov. Opyt kharakteristiki lichnosti i religioznogo tvorchestva [Nikolai Semenovich Leskov. Experience of characterizing his personality and religious works]. In: *Tvorcheskoe nasledie S.N. Durylina: sb. statey* [Creative legacy of S.N. Durylin: articles]. Vol. 2. Moscow: Sovpadenie. pp. 193–224.
40. *Sayt poklonnikov tvorchestva S.N. Durylina* [Site of S.N. Durylin's fans]. [Online] Available from: <http://durylinmuseum.com/s-n-durylin/> (Accessed: 26.06.2019).
41. Vorontsova, I.V. (2010) Osnovopolagayushchie cherty khristianskogo modernizma (konets XIX – nachalo XX v.) [Fundamental features of Christian modernism (late 19th – early 20th centuries)]. *Voprosy filosofii*. 10. pp. 51–61.
42. Kucherskaya, M.A. (2014) Comrade Leskov: How a Russian writer was integrated into the Soviet national myth. In: *Russian National Myth in Transition. Acta Slavica Estonica, VI. Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia, XIV*. Tartu: University of Tartu Press. pp. 187–207.
43. Azbukin, V.N. (1960) Kritika dukhovenstva i pravoslavnoy tserkvi v ocherkakh N.S. Leskova “Melochi arkhieyskoy zhizni” [Criticism of the clergy and the Orthodox Church in N.S. Leskov's Trifles of the Life of Archbishops]. *Trudy Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 35. pp. 124–140.
44. Goryachkina, M.S. (1963) Antitserkovnaya satira Leskova [Leskov's anti-church satire]. In: *Russkaya literatura v bor'be s religiei* [Russian literature in the fight against religion]. Moscow: USSR AS. pp. 225–247.
45. Novikova-Stroganova, A.A. (2018) *Naskvoz' russkiy* [Russian to the core]. [Online] Available from: http://ruskline.ru/analitika/2018/01/25/naskvoz_russkiy/ (Accessed: 25.02.2020).
46. Il'inskaya, T.B. (2012) Khristianskie motivy v tvorchestve N.S. Leskova (problema interpretatsii) [Christian motives in the works of N.S. Leskov (the problem of interpretation)]. *Sciences and humanities: sovremennoe gumanitarnoe znanie kak sintez nauk. Leskovskiy palimpsest*. 1 (1). pp. 40–44.
47. Khrapovitskiy, A. (1892) Znamenie vremeni [Sign of time]. *Bogoslovskiy vestnik*. 2. pp. 415–419.
48. Dunaev, M.M. (2003) *Vera v gornile somneniy. Pravoslavie i russkaya literatura v XVII–XX vv.* [Faith in the crucible of doubt. Orthodoxy and Russian literature in the 17th–20th centuries]. Moscow: Izdatel'skiy sovet RPTs.
49. Rumyantsev, A.B. (1995) N.S. Leskov i russkaya pravoslavnaya tserkov' [N.S. Leskov and the Russian Orthodox Church]. *Russkaya literatura*. 1. pp. 212–217.
50. Kol'tsova, Yu.N. (2000) Dukhovnye iskaniya N.S. Leskova: Krizis khristianskoy idei v tvorchestve Leskova 1870-kh gg. [The spiritual quest of N.S. Leskov: The crisis of the Christian idea in Leskov's works of the 1870s]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya – Bulletin of Moscow University. Series 19: Linguistics and Cross-Cultural Communication*. 4. pp. 87–95.
51. Dolgova, E.V. (2002) Dva vzglyada na “Severnyy Afon”: A.N. Murav'ev i N.S. Leskov [Two views on “Northern Athos”: A.N. Muravyov and N.S. Leskov]. In: *Khristianstvo i russkaya literatura* [Christianity and Russian Literature]. Vol. 4. St. Petersburg: Nauka. pp. 292–299.
52. Troitskiy, V.Yu. (2015) *N.S. Leskov. Nachalo puti. Istoki tvorchestva* [N.S. Leskov. The beginning of the way. The origins of creativity]. Moscow: IWL RAS.
53. Mosaleva, G.V. (2019) *Izografy russkoy slovesnosti: A.N. Ostrovskiy, N.S. Leskov, I.S. Shmelev* [Isographers of Russian literature: A.N. Ostrovsky, N.S. Leskov, I.S. Shmelev]. Izhevsk: Udmurt University.
54. Starygina, N.N. (2003) *Russkiy roman v situatsii filosofsko-religioznoy polemiki 1860–1870-kh godov* [Russian novel in the situation of the philosophical and religious polemic of the 1860s–1870s]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
55. Shelkovnikova, L.F. (2001) Religiozno-eticheskiy kontekst v tvorchestve N.S. Leskova [Religious and ethical context in the works of N.S. Leskov]. In: *Zhiznennyye sily slavyanstva na rubezhe vekov i mirovozzreniy* [Vital forces of the Slavs at the turn of the century and worldviews]. Vol. 2. Barnaul: Izdatel'stvo AGU. pp. 66–75.
56. Vlaskin, A.P. (1996) K dialogu Leskova i Dostoevskogo o kul'turnoy roli russkoy tserkvi [To the dialogue between Leskov and Dostoevsky about the cultural role of the Russian Church]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. 3. pp. 235–241.
57. Kunitsyn, B.M. (2006) Kazanskiy adresat N.S. Leskova: o perepiske pisatelya s professorom Kazanskoy dukhovnoy seminarii P.V. Znamenskim [The Kazan addressee of N.S. Leskov: on the correspondence of the writer with the professor of the Kazan Theological Seminary P.V. Znamenskiy]. *Russkaya literatura*. 3. pp. 168–184.
58. Dmitriev, A.P. (2010) N.S. Leskov i Ostzeyskiy vopros: trevolneniya etnoreligioznoy neangazirovannosti [N.S. Leskov and the Ostsee Question: Anxieties of Ethno-Religious Non-Engagement]. In: *Khristianstvo i russkaya literatura: Vzaimodeystvie etnokul'turnykh i religiozno-eticheskikh traditsiy v russkoy mysli i literature* [Christianity and Russian Literature: Interaction of Ethnocultural and Religious-Ethical Traditions in Russian Thought and Literature]. Vol. 6. St. Petersburg: Nauka. pp. 98–164.
59. Dmitriev, A.P. (2018) Nikolai Leskov and Nikita Gilyarov-Platonov: Moments of Unanimity and Disagreement in the Journalism of Contemporaries. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of Kostroma State University*. 2. pp. 111–115. (In Russian).
60. Il'inskaya, T.B. (2010) *Russkoe raznoverie v tvorchestve N.S. Leskova* [Russian faith diversity in the works of N.S. Leskov]. St. Petersburg: Izdatel'stvo NIYaK.
61. Mayorova, O.E. (1998) N.S. Leskov: struktura etno-konfessional'nogo prostranstva [N.S. Leskov: the structure of ethno-confessional space]. In: *Tynyanovskiy sbornik 10: Shestye – Sed'mye – Vos'mye Tynyanovskie chteniya* [Tynyanov collection 10: Sixth – Seventh – Eighth Tynyanov readings]. Moscow: Knizhnaya palata. pp. 118–138.
62. Pravmir. (2021) *Khristianstvo v tvorchestve Leskova – leksiya Mayi Kucherskoy* [Christianity in Leskov's works – a lecture by Maya Kucherskaya]. [Online] Available from: <https://www.pravmir.ru/hristianstvo-v-tvorchestve-leskova-leksiya-mayi-kucherskoy-video/> (Accessed: 15.03.2021).
63. Kucherskaya, M. (2021) *Leskov. Prozevannyi geniy* [Leskov. A missed genius]. Moscow: Molodaya gvardiya.
64. Reytblat, A.I. (2001) *Kak Pushkin vyshel v genii. Istoriko-sotsiologicheskie ocherki o knizhnoy kul'ture Pushkinskoy epokhi* [How Pushkin became a genius. Historical and sociological essays on the book culture of the Pushkin era]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
65. Likhachev, D.S. (1981) *Literatura – real'nost' – literatura* [Literature – reality – literature]. Leningrad: Sov. Pisatel'. pp. 158–165.

Received: 05 July 2021